

Е.С. Свечникова
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель Л.Б. Карпенко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ БОЛГАРСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В работе исследуется использование лексических трансформаций при переводе поэтического текста. На материале переводов стихотворения Ивана Вазова «Аз съм българче» рассматриваются такие переводческие трансформации, как *добавление* и *опущение*, *генерализация* и *конкретизация* значения, *эмфатизация*, *прием смыслового развития (модуляция)* и *целостного преобразования*. В представленных текстах наблюдается взаимодействие различных приемов, за счет чего создается художественность на переводящем языке.

Ключевые слова: переводческие трансформации, генерализация, модуляция, целостное преобразование.

При создании художественного перевода важно, во-первых, избежать дословного копирования текста, совсем лишённого художественной окраски, и, во-вторых, избежать излишней художественности. Создание эквивалентного перевода связано с использованием различных приемов – переводческих трансформаций. Я. И. Рецкер толкует данный термин как приём логического мышления, посредством которого переводчик трактует смысл единиц в контексте переводящего языка [1]. Л.С. Бархударов полагает, что переводческие трансформации – это различные межъязыковые преобразования, которые используются для того, чтобы достичь максимально возможной эквивалентности [2]. Важно, что при этом исходный текст в целом не изменяется, но на его основе создается текст на другом языке. Таким образом, возникает проблема использования межъязыковых трансформаций.

Целью данной статьи является рассмотрение лексических трансформаций как средства достижения адекватности перевода.

В качестве материала использованы переводы стихотворения Ивана Вазова «Аз съм българче» О. Клеменсия, Л. Семиколеновой и О. Кайдаловой.

Как лексические, так и грамматические трансформации нередко требуют внесения дополнительных слов. Это объясняется рядом причин, например, различиями в структуре предложения. Отсутствие соответствующего лексико-семантического варианта также может стать причиной добавления. Например, Ольга Кайдалова в своем переводе несколько изменяет структуру предложения, что влечет за собой изменение лексического состава:

*Аз съм българче. Обичам
нашите планини зелени,
българин да се наричам
първа радост е за мене.*

*Я – болгарин, люблю я по свету
Наши ярко-зелёные горы.
Называются болгаринoм – это
Мне так радует сердце и взоры.*

Вместо «называться болгарин» главная радость для меня» в переводе мы видим фразу «называться болгарин – это мне так радуется сердце и взоры». Причиной этой трансформации стало стремление переводчика сохранить рифму. Очень близкий перевод у Ольги Клеменсия, однако, здесь мы можем наблюдать и противоположный добавлению прием – опущение:

*Аз съм българче. Обичам
нашите планини зелени,
българин да се наричам
първа радост е за мене.*

*Я – болгарин, люблю я по свету
Наши зелёные горы.
Называться болгарин – это
Радуется сердце и взоры.*

За счет опущения местоимения происходит изменение смысловой структуры, наблюдается генерализация, то есть расширение, значения оригинала: «называться болгарин радость для меня» приобретает значение «гордо для любого человека».

При переводе опущению чаще всего подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными. Таким образом, переводчиком производится «компрессия текста», то есть сокращение его общего объема. Несмотря на то, что художественный перевод редко требует такого сокращения, применение опущения с этой целью возможно, например, во избежание тавтологии или излишней перегруженности текста. Так, мы можем наблюдать сокращение количества однородных членов:

*Аз съм българче свободно,
в край свободен аз живея,
всичко българско и родно
любя, тача и милея.*

*Я – болгарин свободный. Свобода –
Это символ моей страны.
Всё на свете болгарского рода
Мы любить и лелеять должны.*

В переводе Ларисы Семиколеновой эта строчка звучит так: «Я всем сердцем люблю». Вместо трех глаголов: *любить, чтить/уважать и дорожить*, переводчики используют меньшее количество лексем, но это достаточно экспрессивные конструкции. Кайдалова и Клеменсия обращаются к возвышенному глаголу «лелеять», который имеет более широкое значение в русском языке – «любить, заботиться, ласкать, нежить», таким образом, в этом фрагменте мы наблюдаем генерализацию.

Активно используется модуляция (приём смыслового развития), который заключается в замене при переводе словарного соответствия контекстуальным, лексически связанным с ним. В финале стихотворения мы также видим пример модуляции:

*Аз съм българче и расна
в дни велики, в славно време,
син съм на земя прекрасна,
син съм на юнашко племе.*

*Я – болгарин, расту и взрослею
В великое, славное время.
Свою Родину в сердце лелею,
Нас взрастило смелое племе.*

Помимо опущения («дни великие», в финальных строчках – «сын»), происходит некоторое переосмысление: то, что может быть дословно переведено,

как «я сын прекрасной страны, сын геройского племени», приобретает более логичную для русского языка форму, хотя в жертву приносится художественность оригинального текста – упущена анафора. В то же время это компенсируется – вновь возникает возвышенная лексема «лелеять», к которой добавляется глагол «взрастить». Таким образом, при переводе происходит целый ряд трансформаций, одна влечёт за собой другую.

Другой прием, целостное преобразование, являющийся разновидностью смыслового развития, происходит не по элементам, а целостно. Примером этого является перевод Л. Семиколеновой. Основной акцент стихотворения оказывается смещён, лейтмотив «Я – болгарин» в стихотворении открыто не звучит:

*Я, болгаркой рождённый,
Появился на свет.
Край любимый привольный
Тёплым солнцем согрет.*

*Я – болгарин, сильная мать
Родила меня в крае красивом.
Столько доброго можешь дать
Ты, страна моя, гордость и сила!*

В данном переводе также наблюдается большое количество других трансформаций:

*Аз съм българче свободно,
в край свободен аз живея,
всичко българско и родно
любя, тача и милея.*

*Я в Болгарии вольной
И свободной живу,
Отчий край плодородный
Я всем сердцем люблю.*

Можно отметить опущение: «Я свободный болгарин» заменяется на «я живу в вольной Болгарии», за счет чего происходит смещение акцента на страну в целом, а не на ее представителя, потому возникает и конкретизация значения – «свободная страна» – Болгария. Здесь же можно отметить и эмфатизацию – лексема «вольный» в русском языке имеет традиционно-народную окраску, в отличие от более нейтральной – «свободный». В качестве такого приема, как добавление, можно отметить перевод «отчий край плодородный», который также сопровождается эмфатизацией. Таким образом, даже в близких языках возможно довольно сильное переосмысление содержания переводчиком.

В процессе перевода могут возникать неперебиваемые частности, обусловленные различными факторами, например, попыткой избежать семантической перегруженности, стремлением сохранить рифму и т.д. Наиболее эффективным решением являются переводческие трансформации. За счет таких приемов, как переосмысление и смысловое развитие возможно достижение экспрессивности на переводящем языке, однако это чревато утратой смысловых связей оригинала. Важно отметить, что искажение и целостное переосмысление текста возможно даже в родственных языках, поэтому любые трансформации требуют от переводчика чувства меры, понимания текста и позволяют прийти к адекватному переводу.

Литература

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 324 с.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 80 с.

В.Д. Семёнов

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия
Научный руководитель Е.В. Карпова*

РОЛЬ КАТЕГОРИИ КОНТРОЛИРУЕМОСТИ/ НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ В ТЕКСТАХ РАЦИОНАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

Аннотация. В статье обосновывается актуальность изучения значения контролируемости/ неконтролируемости в текстах рациональной фантастики. Тексты рациональной фантастики являются средой, в которой значение контролируемости/ неконтролируемости актуализируется в семантических составляющих инструмента действия и соотношения субъекта действия и субъекта контроля акциональной неконтролируемой ситуации. Описание особенностей функционирования этих семантических составляющих во взаимодействии среды и средств репрезентации категории контролируемости/ неконтролируемости соответствует методологии функциональной грамматики.

Ключевые слова: функциональная грамматика, категория неконтролируемости, рациональная фантастика.

Исследование категории контролируемости/ неконтролируемости важно тем, что эта категория является достаточно молодой в русском языке. Наша работа продолжает тенденцию рассмотрения категории неконтролируемости в текстах, являющихся средой функционирования обозначенных единиц. Ранее категория контролируемости/ неконтролируемости была рассмотрена в публицистических и художественных текстах XX–XXI вв. [3], а также в текстах художественной прозы Бориса Пастернака [2]. В нашем исследовании категория контролируемости/ неконтролируемости рассматривается в текстах рациональной фантастики.

Теоретической базой нашего исследования являются работы, описывающие теорию функциональной грамматики и связанную с этим категорию неконтролируемости, а также работы, описывающие теорию фантастования.